

Н. Д. КОЧЕТКОВА

**ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ЛИТЕРАТУРЫ
РУССКОГО СЕНТИМЕНТАЛИЗМА**

За последние десятилетия в литературоведении (как советском, так и зарубежном) усилился интерес к изучению литературных направлений XVIII в., причем явственно обнаружилась тенденция к пересмотру многих традиционных представлений.

Работы Е. Н. Купреяновой, Ф. З. Кануновой, Л. И. Кулаковой, П. А. Орлова, Х. Грасхофа, М. Тетени и других исследователей во многом уже показали общественную и художественную значимость сентиментализма как направления. Ряд методологически важных проблем поставлен в содержательной статье В. И. Каминского, аргументированно обосновывающего эстетическую самостоятельность сентиментализма как художественного метода.¹ Особое внимание здесь, в частности, уделено вопросу соотношения этого направления с другими — не только соседствующими, но и соэсуществующими — классицизмом и романтизмом.

Дальнейшее изучение сентиментализма в более широком историко-литературном и историко-культурном контексте — вот одна из самых главных задач.

Любое новое направление, как бы полемически ни относилось оно к предшествовавшему, неизбежно опирается на наследие прошлого, использует его. В первую очередь следует иметь в виду, конечно, взаимодействие граничащих и частично совпадающих во времени направлений. Но нельзя забывать и то важное обстоятельство, что сентиментализм по-своему воспринимает и оценивает и другие, более ранние художественные явления, отделенные от него несколькими веками: античную, средневековую литературу и т.д.

Русские писатели конца XVIII—начала XIX в. интенсивно осваивали опыт мировой культуры, накопленный на протяжении столетий, и по-своему продолжали отечественные традиции. В подходе к произведениям прошлого и в их интерпретации писатели проявляли не только свои личные вкусы и пристрастия, но и эстетические принципы, присущие направлению в целом. Обращение к названной проблеме во многом поможет уточнить эстетические критерии русского сентиментализма, проследить процесс выра-

¹ Каминский В. И. К вопросу о сентименталистском художественном методе в литературе // Русская литература. 1984. № 2. С. 124—137.

ботки индивидуального стиля, предполагающий по существу овладение «многостилевой системой литературы».²

Как много интересного, например, могла бы дать разработка темы «античность в интерпретации русских сентименталистов». По-своему эти писатели продолжали спор о «древних» и «новых», причем их позиция в этом споре была далеко не однозначной. Так, у М. Н. Муравьева проявилась известная двойственность в подходе к античной литературе. Отчасти следуя традиции, писатель говорил о преимуществах «древних»: «Дух более возвышается с древними, и величественная простота их удобнее применяется ко всем временам и народам, нежели изысканные тонкости новых, которые владывают некоторое время и исчезают с модою. . .»³ Античная культура оказывается своеобразным критерием при оценке достоинств французских классиков. Так, характеризуя творчество Расина, Муравьев писал: «Поражен с младенчества красотами древних, он сообщил языку своему все их величие и приятность».⁴ Однако принципиально иной оказывается самая трактовка античности. Древние писатели ценятся не потому, что неизбежность их авторитета освещена многовековой историей культуры. Их истинное величие противостоит «надутости», высокопарности, а среди достоинств выделяется нечто новое — «приятность». Обращение к античности оказывается, таким образом, средством и в борьбе сентименталистов с предшествовавшим направлением, и в утверждении собственных эстетических принципов. Одно из важнейших требований нового направления: естественность, «натуральность». Замечательно в связи с этим стремление Муравьева, предпринявшего попытку написать трагедию «Дидона», подражать Вергилию, а не новейшим драматургам, разработавшим тот же сюжет.⁵

Подобное отношение к античности соответствовало настроением, связанным с руссоистским призывом возвращения к природе. Поиски утраченной гармонии, якобы существовавшей среди людей, не испорченных современной цивилизацией, вели к миру «древних». Так возникла еще одна концепция античности, получившая отражение в творчестве Муравьева 1770-х гг.

В программном стихотворении «Поэзия» (1787) Н. М. Карамзин также помимо Гомера, Софокла и Эврипида выделил среди древнегреческих авторов идилликов: Биона, Теокрита (Феокрита), Мосха: «. . . слушатели их / Пленялись красотой Природы без

² См.: Лихачев Д. С. Система стилевых взаимоотношений в истории европейского искусства и место в ней русского XVIII века // XVIII век. Л., 1975. Сб. 10. С. 10.

³ Муравьев М. Н. Полн. собр. соч. СПб., 1819. Ч. 1. С. 196.

⁴ Там же. Ч. 2. С. 26—27.

⁵ См.: Кулакова Л. И. Поэзия М. Н. Муравьева // Муравьев М. Н. Стихотворения. Л., 1967. С. 17. (Библиотека поэта, большая серия). Такое отношение к античности непосредственно предвляло эстетические принципы романтиков. См.: Кибальник С. А. Неоклассицизм в русской лирике конца XVIII—начала XIX в. // На путях к романтизму Л., 1984. С. 139—157.

искусства, / Приятностью села». ⁶ Своеобразный идеал сельской жизни и довольства малым, характерный для сентименталистов, нашел непосредственное отражение в гораццианской лирике В. В. Капниста и других авторов.

Античная культура воспринималась Карамзиным, как и большинством других сентименталистов, через европейское посредство. Особенно значительным было воздействие на «русского путешественника» таких книг, как «Агатон» Х. М. Виланда и «Путешествие юного Анахарсиса» Ж.-Ж. Бартеlemi. Мир древней Греции виделся Карамзину во многом через эти произведения. ⁷ Античная культура поэтизировалась и превращалась в область, таящую в себе богатые возможности для творческой фантазии. Подобное восприятие лежит в основе карамзинской повести «Афинская жизнь», до сих пор, к сожалению, недостаточно исследованной. Несмотря на всю условность изображенных здесь событий и персонажей, отмеченную Ю. М. Лотманом, ⁸ названная повесть представляет собой интересную попытку соотнесенности окружающего с миром иной культуры. Идеализируя этот мир, Карамзин ориентировался не только на европейскую традицию интерпретации античности, но и на отечественную. В частности, несомненное воздействие и в этом плане оказал на писателя кружок Н. И. Новикова. Глубокий интерес к этическим проблемам, отличавший Новикова и его сподвижников, проявился и в их отношении к произведениям «древних».

Так, в журнале «Утренний свет» (1779. Ч. 3—6) публиковались «Жизни философов» Диогена Лаэртского, переведенные, как справедливо считают исследователи, с латинского. ⁹ Знакомство с биографиями античных мудрецов должно было способствовать «нравственному образованию» публики, научить ее ценить истинные добродетели. Примечательно, что даже в «Предуведомлении» к журналу издатели в шутку уподобляли свое собрание «Афинскому ареопагу». ¹⁰ Обращение к античности становилось фактом не только литературным, но общекультурным. Предприимались своеобразные попытки ввести в обиход какие-то древнегреческие

⁶ Карамзин Н. М. Полн. собр. стихотворений. М.; Л., 1966. С. 60.

⁷ См.: Cross A. G. N. M. Karamzin and Barthelemy's «Voyage du jeune Anacharsis» // The Modern Language Review. 1966. V. LXI. № 3. P. 467—472; Данилевский Р. Ю. Виланд в русской литературе // От классицизма к романтизму. Л., 1970. С. 349.

⁸ Лотман Ю. М. Эволюция мировоззрения Н. М. Карамзина: (1789—1803) // Учен. зап. Тартуского ун-та. Труды историко-филологического факультета. 1957. Вып. 61. С. 144.

⁹ См.: Петровский Н. М. Библиографические заметки о русских журналах XVIII века // Изв. ОРЯС. 1907. Т. 12, кн 2. С. 303; Keipert H. Neue Quellen zu Novikovs «Utrennij svet» // Zeitschrift für slavische Philologie. 1984. Bd 44, H. 2. S. 273—283. По предположению Х. Кайперта, перевод принадлежал С. Воронову.

¹⁰ Утренний свет. 1777. Ч. 1. С. VI. См. также: Rothe H. Marginalien zum «griechischen Geschmack» in Rußland 1780—1820 // Festschrift für M. Woltner zum 70. Geburtstag. Heidelberg, 1967. S. 205—218.

обычаи, имена, реалии. Подобные явления закономерно возникали в среде интеллигенции XVIII в., не удовлетворенной окружающим и занятой поисками нравственных начал. В этом отношении интересную параллель Новиковскому кружку можно найти в деятельности Ф. Гемстергюи, которого Виланд называл «Платоном нашего времени».¹¹ Литераторы стремились теперь использовать авторитет «древних» для утверждения не столько литературных правил, сколько нравственных. Древние философы, в особенности Сократ (его культ создается в новиковском кружке), являли собой достойные образцы для подражания, воплощавшие моральные достоинства, особенно ценившиеся в литературе нового направления. Обращение к античным авторам с воспитательной целью получило достаточно широкое распространение в произведениях русского сентиментализма. Характерно, что В. В. Измайлов, намечая программу своего журнала «Патриот», упоминает прежде всего «нравоучительные сочинения» Аристотеля, Цицерона, Сенеки, Плутарха.¹²

Дальнейшие исследования, очевидно, покажут, насколько разносторонним и вместе с тем специфическим было восприятие античности русскими сентименталистами. Не менее интересным представляется их отношение к культуре Средневековья. Высказывания о варварстве и грубости нравов тех времен — лишь одна сторона восприятия. Двойственность отношения к Средневековью проявилась у Карамзина в переписке Мелодора и Филаяета. С точки зрения первого из них, эпоха, последовавшая за античностью, — это «варварство многих веков, варварство ума и нравов — эпоха мрачная — стена, покрытая черным флером для глаз чувствительного философа».¹³ Другой карамзинский персонаж возражает: «Ты указываешь мне на варварство средних веков, наступившее после греческого и римского просвещения; но самое сие так называемое варварство (в котором, однако ж, от времени до времени сверкали блестящие, зрелые идеи ума) не послужило ли *в целом* к дальнейшему распространению света наук?»¹⁴ Теория общественного и нравственного прогресса, которую Карамзин развивает и в других статьях, позволяет ему отказать от исключительно негативной оценки Средневековья. Приближаясь к историзму в постижении прошлого, Карамзин начинает все больше ценить своеобразие культуры каждой эпохи каждого народа.¹⁵ При этом важно, что Средневековье, как и любая другая эпоха, представляется ступенью в нравственном развитии человечества. Оказывается, что и суровые времена рыцар-

¹¹ См.: Кожешников В. А. Философия чувства и веры в ее отношениях к литературе и рационализму XVIII века и к критической философии. М., 1897. Ч. 1. С. 47—56.

¹² [Измайлов В. В.] Введение // Патриот. 1804. Т. 1. С. 10.

¹³ Карамзин Н. М. Избр. соч. М.; Л., 1964. Т. 2. С. 249—250.

¹⁴ Там же. С. 257.

¹⁵ См.: Проблемы историзма в русской литературе: Конец XVIII—начало XIX в. Л., 1981. С. 140—141. (XVIII век. Сб. 13).

ских войн могут дать неожиданные примеры проявления излюбленной сентименталистами чувствительности. Любовная лирика Средневековья, и особенно творчество П. Абеяра, привлекает внимание русских писателей и непосредственно, и через посредство Руссо. Любопытную характеристику этой эпохи находим, в частности, у П. И. Макарова: «Рыцарство угнетало народ — появились трубадуры — в Провансе учредилась Любовная палата — и звери, искавшие только добычи и крови, сделались защитниками слабости и невинности. В двенадцатом столетии мы видим одно из тех явлений, которых скупая Натура не кажет дважды, видим нежную, чувствительную, пламенную, ученую, любезную и несчастную Элоизу. . .»¹⁶

Особая и важная тема — отношение русских сентименталистов к отечественной старине, древнерусской литературе и фольклору (и то, и другое объединялось в сознании писателей того времени). Начатые в этом направлении исследования необходимо продолжить с учетом той новой, углубленной характеристики, которую получает в советском литературоведении Петровская эпоха, знаменующая переход от древнерусской культуры к новой и вместе с тем представляющая собой звено единого цельного процесса.¹⁷ Помимо выявления использованных сентименталистами сюжетов, тем, образов, восходящих к древнерусской литературе или фольклору (что само по себе может дать интересные результаты), важно проследить и общие тенденции, обнаруживающие черты преемственности. Достаточно, в частности, вспомнить, что многие задачи, стоявшие перед искусством европейского Возрождения, в России решались как древнерусской культурой, так и культурой XVIII в. Интерес к человеческой личности, стремление раскрыть ее духовное богатство роднит сентиментализм с Возрождением. Между тем до сих пор остается неразработанной проблема восприятия русскими сентименталистами литературы европейского Возрождения. Одна из сторон этого восприятия связана с просветительской идеей внесловной ценности человека, с возвеличением его нравственных достоинств. Значительную роль играли здесь опять-таки издания Новикова. Так, например, моральные истины, важные для сентименталистов, получили свое подтверждение в напечатанном Новиковым «Увещательном письме Ерасма Ротеродамского», где говорилось, что «истинное украшение не в богатстве находится, но в добродетели».¹⁸ Интерес к психологическому анализу, отличающий Карамзина и его важнейших сподвижников, делает для них чрезвычайно ценными открытия М. Монтеня, воспринятые отчасти через Ж.-Ж. Руссо.

¹⁶ [Макаров П. И.] Некоторые мысли издателей Меркурия // Московский Меркурий. 1803. № 1. С. 14—15.

¹⁷ См.: Лихачев Д. С. Петровские реформы и развитие русской культуры // Лихачев Д. С. Прошлое — будущему: Статьи и очерки. Л., 1985. С. 382—387. См. также статью А. М. Панченко в настоящем издании.

¹⁸ Утренний свет. 1777. Ч. 1. С. 88.

Наконец, изучая русскую литературу сентиментализма, невозможно обойти и проблему восприятия в России современной ей европейской литературы сентиментализма. Вполне естественно, что внимание исследователей было обращено на вершинные, наиболее яркие произведения: сочинения Л. Стерна, Ж.-Ж. Руссо, «Страдания юного Вертера» Гете. Фундаментальная книга В. М. Жирмунского «Гете в русской литературе», статьи Ю. М. Лотмана и Ф. Э. Кануновой показывают, как русские писатели творчески воспринимали и по-своему переосмысливали художественный опыт европейских авторов. Исследования Ю. Д. Левина, Р. Ю. Данилевского, П. Р. Заборова, О. Б. Кафановой, П. Бранга, Х. Роте, Э. Кросса, Э. Хексельшнайдера существенно дополняют эту картину именами Дж. Макферсона (поэмы Оссиана), Э. Юнга, Дж. Томсона, И. Лафатера, А. Галлера, С. Геснера, Э. Х. Клейста, Ж.-Ф. Мармонтеля, М.-Ф. Жанлис и др. И тем не менее проблема далеко не исчерпана. Не говоря о том, что возможны новые сопоставления с произведениями уже названных писателей (в частности, в связи с изучением исключительно многогранной проблематики творчества Руссо), желательно было бы проследить историю восприятия в России связанных с сентиментализмом европейских литераторов менее крупного масштаба, но получивших широкое признание в России конца XVIII—начала XIX в. Хотелось бы назвать в этой связи таких немецких писателей, как Х. Ф. Геллерт, Х. Ф. Вейсе, К. Ф. Мориц, И. Г. Кампе и др. Очень актуальна и выдвинутая М. Тетени проблема сравнительно-исторического изучения сентиментализма в литературе стран, относящихся к одной культурной зоне.¹⁹

Важным достижением современной науки явилось признание глубокой связи сентиментализма с идеологией Просвещения. Тем не менее требуют дальнейшего изучения конкретные вопросы: в чем именно и как осуществлялось воздействие идей Просвещения на литературу, как они эволюционировали, получая новое художественное воплощение. Все эти вопросы необходимо изучать в постоянной соотнесенности с проблемами собственно эстетическими. Критерий «натуральности», сделавшийся основополагающим, непосредственно был связан с руссоистским призывом возвращения к природе, с интересом к «естественному человеку». В этом заключалась принципиальная новизна интерпретации просветительских идей в искусстве и литературе сентиментализма по сравнению с классицизмом. Вместе с тем в культуре конца XVIII—начала XIX в. происходил достаточно сложный процесс: отталкивание от предшествовавших традиций и одновременно постоянное обращение к ним. Русские литераторы, зачитываясь Руссо, постоянно полемизировали с ним, отстаивая необходимость развития наук и искусств и — более широко — распространения образования, расширения читательской аудитории. Эти насыщенные

¹⁹ См.: Тетени М. Проблемы и задачи изучения литературы сентиментализма // Hungaro-Slavica. 1983. P. 325—327.

просветительские задачи, стоявшие перед русской культурой в течение всего XVIII столетия, во многом объединяли писателей разных художественных направлений. Характерно поэтому, что идея прогресса, принесенная идеологией Просвещения, сохранила первостепенное значение в эстетике русского сентиментализма, что во многом определяет и его национальное своеобразие, изученное до сих пор недостаточно.

Задача не в том, чтобы разделить русских писателей XVIII в. на классицистов, сентименталистов и предромантиков. Все большую поддержку получает сейчас представление, что в творчестве одного и того же автора могут проявляться черты разных направлений. В частности, вполне закономерно ставится вопрос о сентиментализме в произведениях А. Н. Радищева, Д. И. Фонвизина, даже В. П. Петрова.²⁰

Тем важнее выявить основные эстетические и художественные принципы сентиментализма, понять, как формировались и что собою представляли новые идеи, входившие в сознание людей с развитием этого направления. Речь идет прежде всего именно об историческом подходе к исследованию названных проблем, так как любой идеал, как бы он ни был далек от реальной действительности, всегда с ней соотносится, зависит от нее и одновременно оказывает на нее свое воздействие.

Колоссальный разрыв между идеалом и действительностью в литературе классицизма как бы закреплялся иерархией жанров. Сентиментализм во многом способствовал сокращению этого разрыва, что и привело к трансформации всей жанровой системы. В драматургии нового направления преимущественное развитие получила слезная драма, в прозе — путешествие и повесть, в поэзии — камерная лирика. Хотя исследователи (Е. Н. Куприянова, Ф. З. Канунова, П. А. Орлов, П. Бранг, Х. Штедтке и др.) уделили уже значительное внимание отдельным жанрам сентиментализма (особенно повести), многое еще и здесь остается невыясненным. Необходимо дальнейшее углубленное изучение специфики каждого жанра и, главное, его соотносительности с другими.

Плодотворным могло бы стать параллельное рассмотрение прозаических и стихотворных жанров. Иногда их разделение оказывается совершенно искусственным (например, когда речь идет об идиллии, элегии, пейзажной зарисовке и т. д.). Стихотворное послание имеет известные соответствия с дружеским письмом; сходные сюжеты развиваются в повести и в балладе или стихотворной сказке; элементы самых разных жанров (в том числе и стихотворных) входят в ткань путешествия. Самое смешение жанров

²⁰ См.: Орлов П. А. Русский сентиментализм. М., 1977. С. 145—162; Стенькив Ю. В. Проблемы реализма в русской литературе XVIII в. // На путях к романтизму. Л., 1984. С. 18—51; Каминский В. И. К вопросу о сентименталистском художественном методе в литературе. С. 125; Такиуллина И. Ф. Литературные направления второй половины XVIII в. и творчество В. П. Петрова // Проблемы изучения русской литературы XVIII века. Л., 1984. С. 20—25.

становится своеобразным принципом, но это не означает отказа от жанровой системы как таковой: она трансформируется, делается более гибкой, но остается постоянным ориентиром для писателей-сентименталистов. Более того, создаются определенные жанрово-стилистические каноны, особенно заметные в творчестве эпитонов. Возникают, таким образом, противоборствующие тенденции в пределах направления: с одной стороны, стремление к нормативности (качественно, однако, новой по сравнению с классицизмом); с другой — попытки преодоления этой нормативности. Сложность названного процесса, естественно, находит отражение и в языке. Создание индивидуального стиля противостоит языковым штампам. Дальнейшие исследования лингвистов, очевидно, существенно помогут в решении ряда проблем, стоящих перед литературоведами, изучающими литературу сентиментализма.

Постепенное преодоление разрыва между идеалом и действительностью ведет и к созданию героя нового типа. На смену персонажам классицистических произведений пришли иные герои: люди обыкновенные, замечательные не подвигами, но своими душевными качествами. Часто подчеркивалось, что герой не богат и не знатен; появились персонажи из демократической среды (купцы, ремесленники, крестьяне). Не менее важным новшеством явились попытки создания героя, совмещающего в себе и положительные, и отрицательные качества. Карамзинский Эраст из «Бедной Лизы» вполне мог бы служить примером к рассуждению Ф. Хатчесона о том, что «поэт не должен рисовать своих героев совершенно добродетельными», что «нас более глубоко трогают и волнуют несовершенные герои, так как в них мы видим <...> борьбу аффектов себялюбия с аффектами чести и добродетели, которую мы часто ощущаем в своем собственном сердце. . .»²¹

Преодоление известной однолинейности, свойственной литературе классицизма в изображении героев, явилось важным художественным достижением сентиментализма, оцененным еще далеко не в полной степени. В то же время нельзя забывать, что по сравнению с предшествующим направлением меняется самое представление о положительном герое: возникает новый нравственный идеал, служащий критерием при оценке тех или иных качеств и поступков героя.

В творчестве сентименталистов создается образ идеального героя — «чувствительного человека», начитанного, умеющего ценить красоту природы и произведений искусства, любящего музыку и живопись. В связи с этим встает вопрос: что же такое «чувствительность», какое содержание вкладывалось в это слово, получившее такое распространение в литературе сентиментализма? Между современными исследователями нет единства в решении этой проблемы. В частности, предметом обсуждения стал вопрос,

²¹ Хатчесон Ф. Исследование о происхождении наших идей красоты и добродетели // Хатчесон Ф. и др. Эстетика. М., 1973. С. 80.

этическая ли это категория или гносеологическая? ²² Возникшая полемика в высшей степени плодотворна, так как благодаря ей выявляется неоднозначность термина. Если обратиться к текстам XVIII—начала XIX в., можно найти примеры, свидетельствующие об употреблении слова «чувствительный» в разных значениях. Одно из них соответствовало английскому и французскому «sentimental». ²³ В этом значении слово «чувствительный» употреблялось в XVIII в. гораздо шире, чем заимствованное «сентиментальный». Новое, переносное значение слова «чувствительный» не заставило, однако, отказаться от его употребления в прежнем значении «чувственный», «ощутимый», «связанный с внешним ощущением» («sensible»), так же как в немецком «empfindsam», «Empfindsamkeit» употреблялось наряду с «sentimental», «Sentimentalität». ²⁴

В новом значении слово «чувствительный» чаще всего означало «отзывчивый», «добрый», «способный к состраданию». Все это относилось к нравственной характеристике человека: «Чувствительная душа, ведущая благотворения плоды, приглашает в ощущаемой ею радости участвовать и других». ²⁵

Нередко слово «чувствительный» употреблялось в значении «восприимчивый». «Человек везде человек; везде имеет он чувствительное сердце и в зеркале воображения своего вмещает небеса и землю», — писал Карамзин в предисловии к своему переводу из «Саконталы». ²⁶ Характеризуя Богдановича, Карамзин говорил о его «чувствительности к любезности женской». ²⁷ В конце века появляется понятие «чувствительный слог».

Вместе с тем интересующее нас слово использовалось и в другом значении («sensible») для выражения гносеологических понятий: так, термин «чувствительность телесная» («sensibilité») многократно повторяется у Радищева в переводе с французского философских писем Ф. В. Ушакова. ²⁸ Радищев в этом же значении упо-

²² См.: Орлов П. А. Русская сентиментальная повесть // Русская сентиментальная повесть. М., 1979. С. 6—8; Зорин А. Двести лет спустя // Вопросы литературы. 1980. № 3. С. 278—283; Тураев С. В. От Просвещения к романтизму: (Трансформация героя и изменение жанровых структур в западно-европейской литературе конца XVIII—начала XIX в.). М., 1983. С. 93—94.

²³ В английском языке это слово получило распространение задолго до «Сентиментального путешествия» Л. Стерна (1768). Так, в письме к С. Ричардсону в 1749 г. одна дама писала: «. . . I am frequently astonished to hear such a one is sentimental man; we were at a sentimental party; I have been taking a sentimental walk. . .» («. . . я часто удивляюсь, слыша, как говорят: это сентиментальный человек, мы были на сентиментальном вечере, я совершил сентиментальную прогулку. . .»). — См.: Erämetsa E. A Study of the Word «Sentimental» and of other Linguistic Characteristics of Eighteenth-Century Sentimentalism in England. Helsinki, 1951. P. 22.

²⁴ Помимо слова «sentimental» в немецком языке используется слово «sentimentalisch», имеющее более широкий, обобщающий смысл. См.: Wiesner M. Der sentimentale Mensch gesehen aus der Welt holländischer und deutscher Mystiker im 18. Jahrhundert. Gotha, 1924. S. 1—4.

²⁵ Зеркало света. 1786. Ч. 2. С. 147.

²⁶ Карамзин Н. М. Избр. соч. Т. 2. С. 117.

²⁷ Там же. С. 201.

²⁸ Радищев А. Н. Полн. собр. соч. М.; Л., 1938. Т. 1. С. 208—209, 469.

требляет слово: «Корень страстей благ и основан на нашей чувствительности самую природою».

Дальнейшее внимание к употреблению терминов поможет уточнить их содержание — вопрос немаловажный в изучении эстетики сентиментализма.

Нравственные идеалы, выдвигавшиеся литературой сентиментализма, разумеется, не были едины и во многом зависели от общественной позиции того или иного писателя. Одна из насущных проблем, стоящих перед современными исследователями, — дальнейшая дифференциация отдельных явлений, различающихся в идейном плане, но связанных с общим направлением. Современную науку уже не удовлетворяет социологически прямолинейное противопоставление революционного сентиментализма реакционному, дворянскому.

Признавая умеренность политической программы большинства сентименталистов, нужно попытаться определить их истинную роль в развитии отечественной культуры, понять, как их идеалы соотносились с окружающей действительностью. В этом отношении немалую помощь могут оказать документальные материалы, отражающие быт эпохи.

Вслед за Новиковым и Фонвизиным русские сентименталисты продолжают заинтересованно обсуждать вопросы воспитания, увлекаются «Эмилем» Руссо и спорят с ним, настаивают на необходимости образования и ума, и сердца, заботятся о физическом воспитании. Педагогические принципы, формировавшиеся в процессе этих дебатов, нашли отражение, в частности, и в «Слове о воспитании. . .» А. А. Прокоповича-Антонского, для которого «первая и важнейшая наука — быть добрым, честным, сострадательным, благодетельным, быть — человеком».²⁹ Нравственное и духовное развитие человека — вот важнейшие принципы воспитательной программы сентименталистов.

Разрыв между идеалом и реальностью оставался достаточно глубоким, и тем не менее литература противостояла окружающему духу корысти, стяжательства, чиновничества, внушала представление о нравственных и духовных ценностях. Сложная проблема взаимодействия литературы и действительности в период расцвета сентиментализма требует к себе особого внимания. В этом отношении очень плодотворны исследования, посвященные вопросам соотношения собственно литературных и документальных жанров: писем, дневников, мемуаров (работы Л. Я. Гинзбург, Р. М. Лазарчук и др.). Комплексное изучение всего этого богатого материала позволит глубоко понять особенности интересующего нас направления. В связи с этим может быть по-новому поставлен целый ряд проблем: «чувствительный» человек и сентиментальный герой, биография и автобиография писателя, отражение автобиографических элементов в творчестве, воздействие литературных образцов на бытовое поведение. Мемуары сохраняют драго-

²⁹ Прокопович-Антонский А. А. Слово о воспитании. . . М., [1798]. С. 29.

ценные свидетельства подобного воздействия. Так, вспоминая недавнее прошлое, С. Н. Глинка рассказывает о своем дяде Андрее Ильиче Глинке: «Лишась первой супруги своей, он уныло бродил по рощам и дубравам и вырезывал на деревьях имя ее. Он плакал, читая романы Федора Эмина, и заливался слезами, читая и перечитывая „Маркиза Г. . .“, переведенного Елагиным».³⁰

Сентиментальное умонастроение имело достаточно широкую гамму. Наибольшее распространение получили внешние признаки чувствительности: вздохи, слезы, томный вид. Установился определенный этикет, как бы предписывавший не скрывать свои чувства, но, наоборот, всячески их демонстрировать.³¹ Подлинные чувства и страдания облекались в общепринятые формы. Но здесь же таилась опасность: традиционное проявление эмоций могло приводить к мацерности, жеманности, искусственности. Все это противоречило основным принципам самих же сентименталистов, ценивших непосредственность и «натуральность» чувства. Главными спасительными чувствами оказывались ирония или легкий юмор, противостоявшие гипертрофированным эмоциям. Это явление в творчестве европейских авторов (прежде всего Стерна) было уже предметом внимания исследователей: наблюдения, сделанные в работах М. Л. Тронской, раскрывают важные стороны стернианской чувствительности. К сожалению, литература русского сентиментализма изучена в этом отношении недостаточно. Между тем легкий юмор, присущий многим произведениям и Карамзина, и Дмитриева, и других писателей составляет существенный элемент их художественного метода.

Характерно, в частности, что еще в период расцвета сентиментализма возникают споры о чувствительности истинной и ложной и последняя подвергается осуждению и осмеянию со стороны самих же сентименталистов.

Литературные полемики конца XVIII—начала XIX в. изучены еще тоже далеко не полно. Споры шли не только между сторонниками направления и его противниками: в действительности картина была гораздо сложнее. Выявление конкретных причин и круга участников той или иной полемики, очевидно, внесет немало нового и в существующие представления о позициях писателей, связанных с сентиментализмом.

Вопрос о судьбе этого направления в первые десятилетия XIX в. вызывает разные суждения исследователей. Самое явление эпигонства тоже заслуживает к себе внимания. Но одна из наиболее сложных и актуальных проблем — проблема соотношения сентиментализма и романтизма. Углубленное изучение сентименталистской эстетики позволит проследить, как формировались принципы, развитые романтиками, но получившие у них новую трактовку. В частности, речь идет об отношении к писательскому труду и — шире — о том, как понималось назначение по-

³⁰ Глинка С. Н. Записки. СПб., 1895. С. 12.

³¹ См.: Krüger R. Das Zeitalter der Empfindsamkeit. Leipzig, 1972. S. 35.

эта, писателя и поэзии, литературы в целом. Самые непосредственные параллели существуют здесь между Карамзиным и Жуковским. Научное описание и изучение библиотеки Жуковского в Томске открывает сейчас новые богатые возможности для дальнейших сопоставлений, для понимания проблем литературной преемственности.

Вполне закономерно, что творчество Карамзина служит основой для исследований литературы русского сентиментализма. Тем не менее уместно вспомнить, что еще в 1844 г. В. Г. Белинский говорил о «дружине молодых талантов», называя Ю. А. Нелединского-Мелецкого, В. В. Капниста, И. М. Долгорукова, В. С. Подшивалова, П. А. Никольского, П. И. Макарова.³² К писателям «карамзинской школы» критик причислял В. Л. Пушкина, В. В. Измайлова, А. И. Бенитцкого и других писателей, чье творчество получает, к сожалению, обычно лишь самую общую, суммарную характеристику. При обсуждении темы «Карамзин и карамзинисты» несправедливо во всем только противопоставлять Карамзина другим сентименталистам, видя в них прежде всего бездарных подражателей. Работа над «Биографическим словарем русских писателей XVIII века» все больше убеждает нас в том, как важно вернуть из забвения имена самых незначительных, казалось бы, деятелей литературы: в личности, судьбе, творчестве каждого из них всегда есть что-то свое, неповторимое, и вместе с тем на примере произведений этих «малых литераторов» иногда особенно отчетливо прослеживаются важнейшие общие тенденции развития культуры. Поэтому внимание к массовой литературе сентиментализма поможет воссоздать в достаточной полноте то, что Д. С. Лихачев назвал «эстетическим климатом» эпохи.

В связи с этим встает и другая проблема: проблема читателя. С одной стороны, в самих текстах произведений сентименталистов содержатся интереснейшие отклики на популярные в то время книги. С другой — о круге чтения интеллигентов той поры опять-таки могут дать представление письма, дневники и мемуары. И наконец, необходимо обращение к рукописным сборникам конца XVIII—начала XIX в., предшественникам знаменитых альбомов пушкинской поры.

Восприятие литературы сентиментализма последующими поколениями, преемственность, существующая между этой литературой и творчеством русских классиков-реалистов (Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Тургенева, Толстого, Достоевского), — вот проблемы, ждущие еще специального дальнейшего исследования.

Перечисленный круг вопросов далеко не исчерпывает всей проблематики, связанной с изучением литературы русского сентиментализма. Много новых задач неизбежно появится в самом процессе работы. Тем важнее коллективными усилиями попытаться решить поставленные вопросы.

³² Белинский В. Г. Иван Андреевич Крылов // Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1955. Т. 8. С. 579.